

Модный Свѣтъ

иллюстрированный журналъ для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія:		Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“	Годовая цѣна II-го изданія:	
Съ 12 раскрашенными картинками:		выходитъ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 полнѣйшими рисунками въ текствѣ, съ 12 ластями выкроекъ, 12 парными выкройками въ натуральную величину и 12 или 24 раскрашенными картинками парижской моды.	Съ 24 раскрашенными картинками:	
Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	4 р. — и.	Объявленія въ журналъ „Модный Свѣтъ“ принимаются въ Конторѣ Редакціи и взымаются плата за тѣлоны по 10 к. за строку попарная, или за ее мѣсто.	Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	5 р. — и.
— — — — — съ доставкою	5 — 50 —		— — — — — съ доставкою	6 — 50 —
Съ пересылкою въ другіе города	6 — —		Съ пересылкою въ другіе города	7 — —
СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гизлха. (Продолженіе). — Женская любовь. Повесть. (Продолженіе). — Ничто о жизни и дѣтственности Фридриха Фребеля. (Продолж.). — Фелетонъ. — Сѣкъ. — Продолженіе описанія рисунковъ № 27. — Объясненіе.				

За тронъ и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГИЗЛХА.
(Продолженіе).

VIII.

Въ туманъ Ромней-Моора.

Джоржъ Портеръ быстрыми шагами и не оборачиваясь, пошелъ черезъ паркъ въ вѣсту, гдѣ была пригнана его лошадь. Генри Гоббартъ неслышимо садовалъ за нимъ, потруживъ въ размѣшаніе. Онъ не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ Джоржъ такъ неожиданно явился ночью въ Кильбурнхаузъ, и какъ онъ узналъ, что король находится въ домъ этого дворянина. Если Эдла сказала правду, то Джоржъ не переступалъ порога дома сэра Джона со времени вступленія въ него Генри, до той минуты, когда онъ хотѣлъ проникнуть въ спальню короля — но что побудило его на этотъ поступокъ? Генри заключилъ, что Джоржъ Портеръ явился изъ такого мѣста, гдѣ онъ получилъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ короля, и рѣшился разузнать, куда пойдетъ Джоржъ изъ Кильбурнхауза. Онъ окончательно обдумалъ свой планъ, когда Джоржъ съѣзъ на лошади и поѣхалъ по дорогѣ въ Плайденъ.

— Но Плайденъ вы пойдете шагомъ, сэръ», сказалъ Генри, держась позади всадника. «Если вы вздумаете пуститься рысью, пока мы не достигли этого мѣстечка, то вы убѣдитесь, что моя нудя проворнее вашей лошади».

— Не беспокойтесь, сэръ», возразилъ Джоржъ. «Я въ вашихъ рукахъ, и долженъ вамъ повиноваться, потому что семейство Пендерграссъ въ опасности; но если бы не это...». Послѣднія слова онъ произнесъ для себя. Генри невольно вздохнулъ — его положеніе было одинаково съ положеніемъ Джоржа, т. е. онъ нарушилъ бы свой долгъ, захотѣвъ спасти Пендерграссъ отъ тяжелой наказанія: если бы король даже помиловалъ его, то множество лордовъ, враждебныхъ аристократіи, съ Портландомъ и Сиднеемъ во главѣ, настаивали бы на расмѣстѣ и наказаніи.

— Мы прѣйдемъ», сказалъ Генри. «Этотъ ярко освѣщенный фасадъ принадлежитъ плайденскому замку. Вы свободны, сэръ — я не могу сказать счастливаго пути, потому что не знаю, куда вы пойдете».

— Мнѣ нѣтъсюда дорога, по которой я намѣренъ ѣхать, сэръ», сказалъ Джоржъ «и я искренно желаю вамъ не встрѣчаться болѣе со мною».

— Какъ знать — я не боюсь встрѣчи — сегодня васъ спасли Эдла и Пендерграссъ — не поздравляйте болѣе на вашей счастіе».

Джоржъ, не отвѣчая, пустилъ лошадь рысью по направленію къ кентской границѣ. Едва успѣлъ онъ скрыться за ближайшими кустами, какъ Генри поѣхалъ во дворъ замка. Подъ навѣсомъ стояли обсаженные лошади гвардейцевъ; Генри вывелъ за устью ближайшую, и вслѣдствіе въ сѣдо.

— Я долженъ ѣхать, крикнулъ онъ часовому. «Скажи, что я сѣшу по важному дѣлу. На развѣстѣ я вернусь».

Онъ галопомъ поспѣвалъ со двора по дорогѣ, живообразно развѣтлявшейся передъ Плайденомъ. Одна изъ этихъ вѣтвей обходила кругомъ мѣстечка, другая пересекла его. За Плайденомъ обѣ дороги соединялись, и этотъ-то путь велъ къ границѣ Кента. Генри выбралъ это послѣднее направленіе. Лошадь сказала въ галопъ, и такъ какъ только немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Джоржемъ, то было весьма вѣроятно, что онъ еще нагонитъ якобита.

Генри наѣхавшае держался позади него, въ некоторомъ отдаленіи, чтобы наблюдать, не скроется ли Джоржъ въ одномъ изъ близъ лежащихъ домовъ.

Джоржъ Портеръ, освободившись отъ Гоббарта, также принарипалъ лошадь. Бѣдная полуса сѣла на горизонтъ предѣлила развѣстѣ. Луна свѣтила еще тусклѣе, чѣмъ прежде и поднималась густой туманъ. Джоржъ могъ бы еще поспѣть къ назначенному заговорническому часу, въ домъ Гунта, если бы лошадь его все время шла рысью. Крокетъ-то, ему сѣдовало торопиться, пока туманъ сгустился еще не на столько, чтобы сбить всадника съ дороги; уже теперь громадная масса паровъ волнистыми облаками окутывали озеро и долину. Не смотря на это, Джоржъ удержалъ немного лошадь; потеря нѣсколькихъ минутъ казалась ему не важной. Онъ шадилъ своего коня,

такъ какъ вѣсели еще можно было ожидать преслѣдованія. Пока Джоржъ обдумывалъ происшествія послѣднихъ часовъ и старался разгадать, какимъ образомъ Генри съ Эдлой, въ одно время, очутились въ коридорѣ, ему послышалась стукъ копытъ. На мгновеніе онъ остановилъ лошадь, прислушался и убѣдился, что слухъ не обманулъ его — изъ Плайдена сказалъ всадникъ. Не пугаясь, въ дальнѣйшія изслѣдованія, и думая только о томъ, какъ бы поскорѣ успокоить, оживающее его возвращеніе, общество, онъ поспѣвалъ галопомъ. Деревья и пограничные столбы быстро мелькали мимо него; когда онъ жмался уже въ сопосовомъ мѣсту, на границѣ Кента, онъ еще разъ остановился на секунду, и снова услышалъ за собою лошадиную топотъ. Сомнѣнія не было — Джоржа преслѣдовали, все равно, съ какою цѣлью: схватить его или прослѣдить за нимъ. Видимая опасность угрожала заговорническимъ. Хорошозная мѣстность, Джоржъ рѣшился измѣнить направленіе. Онъ вѣдалъ вѣтви. Генри Гоббартъ всѣхъ за Джоржемъ ѣхалъ въ дѣсь; въ поднимавшемся туманѣ онъ видѣлъ фигуры Джоржа и его коня, видѣлъ, какъ Джоржъ исчезъ за опушкой. Генри предполагалъ, что прямая дорога ведетъ черезъ болото, онъ издана помнилъ этотъ путь и быстро поспѣвалъ впередъ. Джоржъ, по окошальной дорогѣ, былъ уже шаговъ на тысячу дальше, но зоркій глазъ создала различіи бѣгленца, несмотря на туманъ. Онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ прямо на Джоржа, который несся бышнемъ галопомъ. Генри также далъ шпоры лошади. Онъ видѣлъ бѣгленца то впередъ, то рядомъ съ собою. Было очевидно, что Джоржъ съ намѣреніемъ бросался то въ ту, то въ другую сторону, желая запутать своего преслѣдователя. Гвардеецъ начиналъ сбиваться; нѣсколько разъ онъ долженъ былъ останавливаться, чтобы осмотрѣться, гдѣ онъ, и съ ужасомъ замѣтилъ, какъ угрюмый туманъ причудливо таинственными pokrмалоу разстелился по болоту и спертывался клубами. Генри съ трудомъ различалъ дорогу, онъ ѣхалъ медленнѣе, и лошадь его то спотыкалась о чорную груду камней, запутанную туманомъ, и неожиданно появляющуюся передъ всадникомъ, то становилась на дыбы, останавливаясь въ одну изъ гнилыхъ дѣлъ и обрываясь козлби Генри, то пугалась высокой вѣхи

пешта съ пучкомъ сына наверху — указывавшей дорогу черезъ болото. Туманъ все сгустился, и выходъ изъ этой степи, сплетенной изъ паровъ, казался невозможнымъ. Генри понял, что старшая его напарница, и остановился какъ вкопанный. Скропато-жидкие облака совершенно окутывали его и его лошади; кругомъ ничего нельзя было разоб-
брать; сырой вѣтеръ подымалъ туманъ вокругъ всадника, съ плаща, шляпы и сапоговъ которого капали стенова вода. Лошадь дрожала отъ утреннего холода и жалобо ржала, своимъ порывистымъ дыханьемъ еще увеличивая массу тумана. Генри кричѣ завернувшись плащъ, нади-
нулъ на лобъ шляпу, и по тѣлу его пробѣжала дрожь.

Берникъ уже нѣсколько разъ смотрѣлъ на часы, и жилая бесѣда заговорщиковъ стихла. Баркадъ написалъ уже почти цѣлый листъ, когда Гунтъ вошелъ въ залу.

— Итъ! — сказалъ онъ.

Всѣ вскопани. Огромный грязью, съ иско-
печенными волосами, лампикой, задыхался отъ волненія, бѣжалъ Джоржъ Портеръ.

— Расходите поскорѣе! — прохрипѣлъ онъ, падая на стулъ. «Меня пресѣдуетъ — гвар-
деецъ короля».

Общее удивленіе было еще больше, чѣмъ тогда, когда Бесси обвиняла отсутствовавшего Пендер-
грава.

— Уходите — уходите — нѣтъ, сюда, милордъ —
закажите двери, возвращайтесь!.

Берникъ сталъ перестъ дѣрять заамъ.

— Милордъ и дѣятельности, произнесъ онъ.
«Никто изъ насъ не выйдетъ отсюда раньше,
чѣмъ Портеръ расскажетъ намъ, что случилось.
Говорите, сэръ».

Портеръ едва оправился. «Не медлите, наша
свѣтлость, выпустите насъ скорѣе», сказалъ онъ.
«Не требуйте подробныхъ объясненій, это зна-
читъ вы понапрасну терять время. Пендергра-
въ невѣститъ — за это и ругались своимъ сло-
вомъ, но когда я убѣждалъ изъ Каллибурихауса, за мной
остался гвардеецъ короля, я ясно видѣлъ его. Онъ
остался позади меня, когда я перешагивалъ болото;
возможно, что онъ заблудился въ туманѣ и теперь
уже погрузился въ одну изъ бездонныхъ ямъ и
треснулъ, но также возможно, что онъ ѣдетъ
сѣдкомъ за мною. Если вы дорожите собою, наша
свѣтлость, то распустите собраніе. Развѣ вы не
довольно знаете? Наме дѣло поднимается, — коро-
ль далъ согласіе — на сегодня и этого довольно.
Поспѣшимъ разойтись подъ защитою тумана. Наша
свѣтлость останется здѣсь, съ сэрромъ Харно-
комъ и лордомъ Баркалемъ, — Гунтъ будетъ охотъ
скрыть насъ. Мы же уйдемъ, чтобы наша отсут-
ствие не возбуждало подозрѣнія — слышите, слы-
шите, господа — если на этотъ разъ намъ падеть
подозрѣніе, то шпіоны никогда не выпустятъ его
изъ виду».

Берникъ наскоро простился съ товарищами.
Заговорщики вышли изъ конюшни лошадей
и вскопани въ сѣдла.

— По дорогѣ Эльфордъ, скомандовалъ Джоржъ,
«мы раздѣлимы у кургана — впередъ!»

Берникъ, Харнокъ и Баркадъ, оставшись въ
залѣ, нѣсколько минутъ молчали, прислушиваясь
къ шагамъ товарищей и въ тошоту копытъ ихъ
удалившихся лошадей.

— Все пойдетъ отлично, сказалъ Берникъ,
«какъ только дѣла устроятся въ Лондонѣ. Я воз-
вращаюсь въ Сентъ-Джермъ. Денежа готова?»

— Да, наша свѣтлость, сказалъ Баркадъ,
«вотъ она».

Гунтъ всталъ бамуту. «Она сегодня же пойдетъ
по Францію. Ваша свѣтлость видите эту ша-
танку съ кружевами, въ которыхъ будетъ скрыта
денежа. Штанку зарывать въ болотѣ, а оттуда
ея возмуть матросы. На серединѣ дороги, въ
полѣ, есть большой камень, подъ него-то и по-
ложится ящикъ».

— Ничего не слышно? Опасности показаться
нѣтъ? спросилъ Берникъ.

Гунтъ отыркалъ окно и внимательно прислу-
шался. Дожь контрбандиста былъ также задер-
нутъ туманомъ. «Все тихо», сказалъ онъ. «Ваша
свѣтлость можете еще отдохнуть нѣсколько ча-
совъ».

— Снажите мнѣ, когда придутъ матросы, при-
казалъ Берникъ, раздѣвая стѣну, и скрылся за
нею съ Баркалемъ. Харнокъ растапулся на
скамьѣ лѣваго камня.

— Возьми штангую, Бесси, сказала Гунтъ,
«ты увидишь найти дорогу въ туманѣ лучше,
чѣмъ я».

Дѣвушка вала на плечи узкую штангую,
и, захвативъ веревку, въ которую были прохѣты
проби, называемыя корабельными затѣчками,
вышла изъ дому.

Генри Гоббартъ все еще стоялъ въ туманѣ. Его
положеніе было если не опасно, за то въ высшей
степени неурочно. Онъ поновѣлъ долженъ быть
ждать, пока туманъ совершенно рассяется; не-
жебдѣло пробовать двинуться впередъ или назадъ,
потому что онъ подвергнется опасности узнать
образомъ погибнуть вмѣстѣ съ лошадыю въ одной
изъ трясинъ, составляющихъ большую часть Ро-
мней-Мора. Но сколько времени еще продлится,
пока сядетъ туманъ? Кругомъ не было никакого
признака близости живого существа, не слышался
даже бѣгъ часовъ, по которому Генри могъ бы судить
о времени. Безловѣстнѣе его возрастало. Вѣсьма
нѣпрочно, что королю уже проснулся и вѣхалъ по-
вать своего тѣлохранителя. Но гдѣ же былъ эф-
рейторъ, во время путешествія Вильгельма исправ-
лявшій попутную должностъ проводника, и кото-
рого король предпочелъ своему храброму капита-
ну Куттесу? Проводникъ исчезъ, создавъ покинущу
своей способъ — и Генри не смѣлъ даже объяснить
причину своего отсутствія, потому что иначе сэръ
Джонъ и его семейство легко могли погибнуть.
Неподвижная стойкая посреди ледяного, сырого
тумана, также гибельно вышла на Генри. Онъ
чувствовалъ, какъ члены его колебались, голова
тяжелѣла отъ снѣжныхъ испареній, поднимавшихся
съ болота. Онъ опустилъ голову на шею
лошади; ему было тяжело и спирало дыханіе.
«Можетъ быть, по близости есть люди? было
одной изъ послѣднихъ мыслей, прежде чѣмъ онъ
поддался охватывающей имъ слабости.

— Го! го! го! громко крикнулъ онъ.

— Го! го! послышалось въ отдаленіи.

— Сюда! сюда! закричалъ Генри. Онъ слы-
шалъ, что кто-то приближается въ туманѣ.

— Чортъ возми, сэръ, не слышите такъ, произ-
несъ голосъ.

Мимо Генри проскакалъ всадникъ, — его лошади
почти коснулись Генри; лошади ѣхали другой. По-
видному, эти люди хорошо знали дорогу, лѣва-
шущъ близъ того мѣста, гдѣ Генри поновѣлъ сѣ-
дальщину.

— Гей! Возьмите меня съ собою! крикнулъ
онъ.

— Джоржъ останется со мною», раздался го-
лосъ.

Генри выпрыгнулъ въ сѣдло. Онъ не сомнѣва-
лся, что дѣло шло о Джоржѣ Портерѣ.

— Дѣвѣ, милордъ, послышалось въ отвѣтъ.
Это былъ голосъ яловоба, покрайней мѣрѣ Генри
показалось, что онъ узналъ его. Ему внезапно по-
чудилось, что туманъ ожилъ, и что кругомъ
его возмужаютъ фигуры пѣшеходовъ и всадни-
ковъ, онъ слышалъ голоса — два, три, четыре
человѣка говорили разомъ, и эти люди были
рядомъ съ нимъ, они натянулись на его лошади.
Генри пытался схватъ за ними, но сѣдланъ нѣ-
сколькихъ шаговъ, его лошади снова поднималась на
дыбы, разбрызгивая воду и грязь, и Генри видѣлъ,
что отъ сына въ болотѣ. Передъ нимъ лежалъ
одинъ изъ громадныхъ камней, расщепившихъ по
всей долинѣ; Генри удержалъ лошадей, дрожа отъ

холода и возбужденія и едва не теряя рассудокъ,
а лошадъ него сына раздался топотъ и ржанье,
говоря, спальный хохотъ, громкое гиканье, хри-
пы. То ему казалось, что въ туманѣ поселятъ
толпы привидѣній, и онъ слышалъ, какъ по до-
линѣ громко и ясно раздавался имя Джоржа Пор-
тера, то чудились вѣзачи крыльевъ порхавшихъ
вокругъ него богатыхъ птицъ, и въсѣдствіе при-
лива крови, ему помечались такіе огненные то-
пы, дингивавшіе въ туманѣ вадъ и впередъ. Генри
снова склонилъ голову на гриву коня и поте-
рялъ сознаніе. Движеніе лошади привело его въ
себя. Туманъ поозолотился первыми лучами солнца,
начинавшими борьбу съ массами испареній, и Генри,
услышавшій вадъ себя шумъ, снова поте-
рѣвшій туманъ легко могъ различить женскую
фигуру, появившуюся изъ за большой скалы,
около которой онъ былъ вынужденъ остановиться.
Несмотря на то, что это была женщина, Генри
востанъ опасался нападенія. Съ усиліемъ при-
стѣвалъ на стремнинѣ, и поднимъ пистолетъ, онъ
взсмотрѣлся въ фигуру.

— Чортъ возми!, вскричалъ онъ, «это дѣ-
вушка изъ Ольды-Ромней».

— Это была Гунтъ сейчасъ же узнала гвардейца.
«Вы — эсли вы?» сказала она, подхлѣ за ло-
шади. «Какъ вы попали сюда? Вы пресѣдовали
кого-то, — я знаю».

Генри сѣрдито посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Выведи меня изъ провалотъ лужи! кри-
кнулъ онъ.

— Эй, господинъ, вы, кажется, сбѣдѣ съ
пути», насмѣхалась Бесси.

— Случай, я признаваю тебѣ вадъ лошади
подъ устца и вывели меня на дорогу въ Гуден-
фордъ... или... я... онъ указал на пистолетъ.

— Тиме, господинъ, кротко сказала Бесси.
«Не требуйте ничего своего. Если вы мнѣ утѣ-
шаете, конечно, я буду вамъ повиноваться, но вы
востанѣ не выйдете отсюда живыми. Мнѣ извѣст-
на каждая тропинка Ромней-Мора, и я могу за-
вестъ васъ въ такое болото, гдѣ васъ затанѣтъ
съ перваго шага, а я однимъ прыжкомъ избѣжу
опасности. Но я еще въ долгу у васъ — вы спаси-
ли меня въ Ольдѣ-Ромней, а теперь я верну
васъ». Она вала за стремъ Генри.

— Такъ поведемъ жъ! вскричалъ Генри.

— Итъ еще, господинъ», сказала Бесси,
«Нужно еще немнѣжно пождать».

— Давѣтъ туманъ рассяется, въ нѣско-
рыхъ мѣстахъ дорога видна совершенно ясно».

— Можно легко ошибиться. Въ одномъ мѣстѣ
тумана вовсе нѣтъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ
далше онъ второе платіе, чѣмъ надъ нами
болотомъ». Она бозлизо посмотрѣла вадъ.

— Узнаю, далеко ли наши молодцы», сказа-
ла она, и вала протяжный крикъ. Черезъ нѣ-
сколько времени она повторила призывъ, но не
получила отвѣта.

— Туманъ быстро исчезаетъ», произнесла
Бесси, «солнце пронизываетъ его — смотрите,
какъ размыкаются цѣлые клубы».

Генри дѣйствительно увидѣлъ, какъ массы испареній
отдѣлились другъ отъ друга, поднимаясь
и опускались, и въ промежуткахъ между
ними простояла окрестность, бѣстѣлая поверх-
ность стоячихъ водъ и пламы поозолоченныя
солнцемъ облака.

— Теперь можно идти», рѣшила Бесси, «по-
смотрите кругомъ себя».

Генри обернулся. Туманъ отчасти рассялся.
Генри увидѣлъ передъ собою большой камень,
вокругъ котораго росли верескъ и короткий тростникъ,
и въ духъ шагахъ отъ него начиналось
огромное болото, въ видѣ подковы окружавшее
узкую, едва замѣтную тропинку. Генри вздрогнулъ.
Еще одинъ скачокъ лошади — и онъ безвозврат-
но погибъ бы въ болотѣ.

Бесси Гунтъ вала его коня за поводья и вы-
вела его на дорожку, змѣйвѣй вившуюся посреди

топей. Генри убѣдился, что безъ помощи дѣвушки, онъ и днемъ едва ли сумеетъ вырваться отсюда. Въ жару пресѣданія, онъ далеко за собою оставилъ большую дорогу.

— Я искренно благодаренъ тебѣ, дитя, началъ Генри, «безъ тебя я погибъ бы».

— Также, какъ въ Ромеѣ я безъ васъ».

— Не была ли ты недавно въ Гуденсфортъ?» спросилъ Генри.

— Была», отвѣчала Бесси, свернувши глазами и смотря на него испытующимъ взглядомъ. «Откуда вы знаете это?»

— Носился сухухъ, что тебя выгнали оттуда».

— Это правда», засмѣялась Бесси, «негоднѣй и дуръ много ведаѣ. Они называютъ меня воздушней, и говорятъ, что я приношу несчастье».

— Почему? Какъ тебя зовутъ? Развѣ есть причина бояться тебя?»

— Меня зовутъ Бесси Гунтъ, сэръ, и я не знаю, за что меня бояться и ненавидѣть. Я никому не дѣлаю ничего дурного. Мой отецъ просто земледѣлецъ; его домъ стоитъ на болотѣ».

Генри навострилъ уши. Во второй разъ, и все при исключительныхъ обстоятельствахъ, испытывалъ онъ эту дѣвушку, пользовавшуюся такою странной славою, дочь кентскаго католана и, безъ сомнѣнія, любима. Жилище ея отъ находилось на болотѣ — не туда ли хлѣлъ Джоржъ Портеръ? Онъ отправился по дорогѣ, ведущей къ болоту, это вѣрно — а Генри излѣлъ основаніе считать Джоржа опаснымъ чужакомъ — и потому онъ припомнилъ человѣчскія фигуры и голоса, которые онъ видѣлъ и слышалъ. Все это возбуждало его вниманіе.

— Я совершенно ясно слышалъ голоса возлѣ себя и видѣлъ людей», быстро сказалъ онъ.

— О, это были, конечно, крестьяне, шедшіе изъ Нью-Ромея въ Виллельси. Они знаютъ дорогу по разнымъ примѣтамъ. Тутъ есть курганъ, громадная скала, подъ которой, говорятъ, погребены римляне, есть дорога Эльфровъ, тропинка, выходящая между болотами и вся выложенная камнями — по этимъ то дорогамъ и ходятъ крестьяне».

Генри хотѣлъ предложить дѣвушкѣ еще одинъ вопросъ, но она внезапно вскричала: «Вотъ мы и у большой дороги. Эта тропинка ведетъ прямо къ ней — видите? теперь вы можете отпустить меня. Вотъ кентскія дѣла, и забудутся большіе нѣтъ возможности». Она протянула Генри руку и онъ пожалъ ее.

— Прощай, Бесси», сказалъ онъ. «Ты спасла меня отъ смерти, и дай Богъ, чтобы я могъ отблагодарить тебя за это. Прощай».

— Прощайте, господа!» отвѣчала дѣвушка, смѣясь. «Кому насъ дѣла прежде представлялись случай оказать другому услугу, тотъ нѣтъ и оказывается еѣ. Мы не станемъ считаться».

Она пошла обратно по узкой тропинкѣ, а Генри въ два прыжка достигъ большой дороги. Онъ еще разъ обернулся и увидѣлъ, какъ Бесси съ быстротой болотной птицы пробѣжала по едва замѣтной тропинкѣ.

— Странное существо», проворчалъ гвардеецъ. «Головой ручаюсь, что все это зленило одинъ чибл. Буду смотрѣть въ оба — милая Килбурнхуатъ, затѣй ты запертъ для меня!» Онъ припомнилъ лодку. «Только бы мнѣ поспѣть во время!» сказалъ онъ. Въ это время, громко и отчотливо пробились часы. Это были часы на башнѣ Сидней-Ростая; звукъ ихъ далеко разносился въ чистомъ воздухѣ и достигъ Генри. «Шестъ часовъ», успокоился онъ. Черезъ часъ я буду въ Пайвденѣ. Король найдетъ меня на мѣстѣ.

Безконечно больше сперва на солнцѣ, и въ углублявшихъ силахъ громадной лужи. Генри полагалось, что онъ увидитъ на скалѣ женскую фигуру. «Это Бесси», подумалъ онъ. «Она еще разъ привѣтствуетъ меня издали». Онъ скрылся въ лѣсу.

— Хорошо, что я подождала», сказала Бесси, сходя съ камня. «Они были еще близко. Я могла проводить его только тогда, когда не получила камня на мой зонтикъ». Она дѣлала что то подъ каменьями. Глазами она искала нѣчто между предметами, плавающимъ по водѣ, неподвижная поверхность которой слегка зарыбася легкими вѣтеркомъ. Эти предметы были пробки, припрѣланными къ какой то веревкѣ. Бесси дружелюбно оттолкнула пробку отъ берега. «Шатунка отъ спитана въ болотѣ», пробормотала она, «но матросы вѣстами найдутъ ее, по пробкамъ». Бесси заслоняла глаза рукою и смотрѣла вдалѣ.

— Ведущій сырласъ», сказала она. «Навѣрное, это онъ пресѣдалъ Джоржа, и счастье, что онъ сбился съ дороги, — но такое счастье, что онъ остановился именно у того камня, гдѣ я опускала ашникъ. Онъ красивъ и, конечно, гораздо лучше Джоржа — а хотѣла бы разлюбить его». И она пошла черезъ болото домой.

(Продолженіе будетъ).

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

НОВАЛА ФРАНЦА ОНЬ-НЕММЕДЖОРА.
(Продолженіе).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Зима наступила быстро и грозно. Я также перебрался за Альби и Апеннины. О кинигинѣ ни слуху, ни духу, но чувство гораздо сильнѣе любвиштва пришло ко мнѣ на площадь въ предпологаемый день ея выѣзда изъ Мерана.

Я набралъ наблюдательнымъ постомъ одну развалившуюся часовню, видѣлъ, какъ вывели изъ сарая дорожную карету и какъ суеталась вокругъ нея Варенька.

Вдругъ эта обезьянка сырласъ, а на дорогѣ показались носилки съ Федоромъ Михайловичемъ. Въ ту же минуту на крыльцо вышла кинигиня. Большой почтальонъ у ней руку, она какъ то особенно усмѣхнулась, усадивъ въ экипажъ и всѣ исчезли въ облакъ пыли.

Мое сочувствіе, конечно, не послѣдовало за ними. Я пропустилъ нѣсколько дней, чтобы дать уцѣлѣть первымъ порывамъ горя и потому отправился «въ горы».

Викторины не было дома, но дѣвушка ввела меня въ комнату. Тутъ все повало и поблѣкло, такъ что я не могъ вынести грустнаго вида и пошелъ на террасу.

На мармуровъ доскѣ стола начертаны были слова: «Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo infelice della felicità (нѣтъ хуже горя, какъ припоминать счастливое время въ дни несчастья)».

— Какъ они разстались? спросалъ я у дѣвушки.

— Съ полнымъ согласіемъ и любовью. Она обняла его и замерла у него на груди, такъ что даже и онъ заплакалъ. Обнявшись часто плакали, а вѣсно, если молодой баринъ поправится, такъ хотѣлъ прѣхаться сюда. Впрочемъ, барыня плачетъ о немъ такъ, словно ужъ не увидитъ больше.

Я не дождался Викторины, потому что наступили уже сумерки. Дѣвушка собралась идти искать ее, потому что дѣлалась часто заснивалась гдѣ нибудь на одномъ мѣстѣ, забывъ о времени.

Въ вѣснѣ, я получалъ письмо отъ Викторины. Вотъ его содержаніе:

«Вы были такъ добры ко мнѣ, что, вѣроятно, и посылъ, не смотря на разнообразіе жизни путешественника, мысли ваши нѣрѣдко возвращались ко мнѣ пустыню. Не представляйте себѣ эту зиму слышномъ усталой для меня. Въ то время, у меня еще была надежда».

«Федоръ Михайловичъ писалъ часто, здоровье

его поправлялось. Онъ началъ было даже ходить въ гости. Кинигиня Ш. много принимала и ея большой былъ общій базовенъ».

«Въ февралѣ Федоръ Михайловичъ простудился и получилъ воспаление. Этихъ болѣзней давала ему знать, что не совсѣмъ отъ него отступился».

«Ему прописали ослиное молоко, а потомъ нужно было прѣхаться въ Меранъ при сыморку».

«Онъ и действительно ухаживалъ отъ кинигини въ Парижѣ и останавливался тамъ отдохнуть нѣсколько дней. Кстати, ему хотѣлось познакомиться и съ нѣкоторыми знаменитостями. Всѣ посовѣтовали беречь грудь, жить въ хорошемъ климатѣ и остерегаться всахенскихъ потрешеній».

«Нечаянно и одиноко жить онъ въ гостиницѣ. Средства его быстро истощались. Онъ подумалъ о своей, о нашей будущности и ему не представилось ни одной счастливой точки. Въ этихъ печальныхъ размышленіяхъ застала его Варенька».

«Кинигиня прѣхала за нимъ въ Парижъ, но, по скудости своей, остановилась въ дешовомъ отелѣ. Дѣвушку прислали къ нему «только освѣдомиться о здоровье».

«Варенька прибавила отъ себя, что благожелательница такъ слаба, что кажется сдѣлать завѣщаніе и раздѣлить имѣніе на три части. Одна часть пойдетъ родственникамъ, другая на бога дѣлать, а третью Федору Михайловичу. Послѣнее дѣлается уже только въ память покойнаго супруга, такъ какъ Федоръ Михайловичъ не заслуживаетъ ничего за свою благодушіе».

«Федоръ Михайловичъ тотчасъ похвѣлъ въ кинигинѣ. Она пришла его очень хорошо, прошла радостные слезы и соблаговолила переѣхать въ его отелъ. Тутъ они плѣту недѣлю составляли прозвѣтъ заглавныя».

«Федору Михайловичу одинаково хотѣлось и городского дома, и денегъ, и оравскаго имѣнія, а между тѣмъ приходилось выбрать одно изъ трехъ. Когда-же наконецъ онъ рѣшился, кинигиня выставила новыя затрудненія».

«Федоръ Михайловичъ писалъ мнѣ, что надѣется уломать ее, если пойдетъ съ ней въ Эмс. Они поѣхали».

«Мы будемъ гораздо счастливѣе и любовь наша только усилятся при хорошихъ средствахъ», прибавилъ Федоръ Михайловичъ въ утѣшеніе мнѣ. «Кинигиня, очевидно, болѣе и замѣтно старѣетъ — не долго ей уже стоять между нами». Онъ признался даже, что его трогаетъ преданность этой женщины и онъ считаетъ своей обязанностью усадить ее послѣдніе дни. Вознагражденіемъ за все это будетъ, конечно, наше соединеніе».

«Онъ дается въ обманъ, а я нѣтъ. Вѣро Николаевна напускаетъ на себя притворную болѣзнь и храбрость, а главное, она никогда не расстанется съ деньгами при жизни, даже и въ завѣщаніи. Ея не больше падаетеся дѣтъ, а здоровье у ней медлѣе, такъ что она проживетъ еще тридцать. Изъ насъ счастливѣе же ея, родственники затѣяли такую прощессъ, что ни богатѣе, ни Федору Михайловичу не достанется ни копейки».

«Его она прожретъ у себя въ рабствѣ пока жина, а о дальнѣйшей судьбѣ и не подумаетъ».

«Мнѣ же жизнь представляется безотрадной пустыней. Пора бы и на покой!»

«Прощайте и забудьте обо мнѣ поскорѣ».

Викторина.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Многое въ этомъ письмѣ пугало меня, въ особенности прощанье Викторины. При такомъ отчужденіи возможно даже самоубійство. Я рѣшился узнать какъ можно больше подробностей отъ той дѣвушки, въ домъ которой жила г-жа Смирдина, и написалъ къ ней.

Прошло довольно времени, прежде чѣмъ получилъ отвѣтъ, такъ какъ я переималъ часто мѣ-

его жительства, оставляя повсюду свой адресъ. Изъ отбѣта я узнала, что Викторина провела зиму въ совершенномъ уединеніи и жала только письмами Федора Михайловича. Состояніе его духа записало повсюду отъ содержанія этихъ писемъ.

Наконецъ пришло посланіе, содержаніе котораго хотя и осталось неизвѣстнымъ двѣмъ, но по странному дѣйствию его она узнала, что фантастическая мечта о любви совершенно разрушилась. Викторина не прописана ни одной жидкостью, только съ движеніемъ ее стали какъ бы механическими, она почти перестала употреблять пищу и только по непрерывающему шагать въ верхнемъ этажѣ двѣмъ могла заключить, какія безсонница ночи проводить ее жилища.

Черезъ нѣсколько дней, Викторина написала письмо ко мнѣ, одѣлая очень изящно и отправивъ письмо въ горѣ, чего не дѣлала уже съ самой осени. Возгорѣлась она поздно и очень утомилась. На полные участія распрости, она тихо ушиблась, легла не раздѣваясь на диванъ, нашла въ станіи съ водою какой-то нахучей жидкости и выпила его до дна.

Дѣвушка спросила, не дѣкаство-ли это?

— Да, дѣта мое, отвѣчала Викторина, это дѣкаство отъ вѣсѣ болѣзней!

Потомъ она попросила двѣмъ съестъ подлѣ нее и разговоралась съ ней спокойно и ласково. Такъ прошло нѣсколько часовъ и дѣвушка стала дремать.

— Поди, дожди, ты устала! сказала г-жа Смирдина, поцѣловала ее и проводила до двери.

Восвѣдѣвши дѣвушка очей упрекала себя, что согласилась уйти такъ скоро. Она припомнила, что еще впродолженіе разговора, врачъ Викторина какъ-то особенно расшаркался и лицо немого передегривалось, а почью ей сѣмьшалось какъ будто даже стоны.

На утро, хозяева наши дверь заперто изънутри и никакъ не могли дождаться своей жилища. Когда рѣшились наконецъ выломать дверь, имъ представило ужасное зрѣлище.

Викторина лежала на полу безъ чувствъ и со всѣмъ похолодѣла.

Дѣвушка бросилась въ Меранъ за докторомъ. Большую удачу еще признать въ жилища, но не въ сознанию.

Докторъ предположилъ, что г-жа Смирдина отравилась, но недостаточнымъ приемомъ ядовитого вещества. Стали осматривать комнату. Дѣвушка припомнила, что Викторина сама собирала травы и составляла изъ нихъ настои, неизвѣстно для какой цѣли. Вѣроятно, медицинскія свѣдѣнія ей оказались непонимыми и это спасло ее отъ смерти.

Началось сильное воспаление мозга. Потресенный попытку отравиться, организмъ долженъ былъ выдержать ужасную борьбу.

По тѣ времѣ, какъ дѣвушка послала мнѣ отбѣтъ, самый сильный кризисъ болѣзни миновался; осталась только страшный упадокъ силъ. Викторина съ трудомъ начинала вставать съ постели, но, впрочемъ, ее радовали ясные дни и она отвѣчала на вопросы.

— На работѣ-ли вернулись она къ жизни? задавалъ я себѣ вопросъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ съ письмомъ въ рукахъ.

Во мнѣ дверь тихо постукивала.

— Можно войти? спросилъ чей-то записывающій голосъ и въ дверь просунулась гладко стриженная голова.

Я съ неприятиемъ чувствомъ узналъ статскаго советника Смирдина.

— Извините, что прерываю вашу серьезную занятія, началъ онъ. Мнѣ, конечно, извѣстно, какъ дорого время такимъ людямъ, какъ вы, но я сочелъ долгомъ поблагодарить васъ за всѣ услуги, оказанныя моей женѣ....

— Какъ здоровы г-жи Смирдиной? прервалъ я съ нетерпѣніемъ.

— Благодарю васъ; она совсѣмъ выздоровѣла, только еще слаба. Мнѣ удалось урвать се на долго отъ дѣтъ и я хочу съезди Викторину въ Киссингенъ, а оттуда оба вернемся домой.

— Развѣ вы наѣдетесь, что въ Россіи меланхолія вашей супруги расцвѣтетъ?

Мнѣ было очень нехотко спрашивать, а между тѣмъ странно хотѣлось узнать состояніе духа Викторины.

Статскій совѣтникъ холодно пожалъ плечами.

— Дома, Викторина ожидаетъ все, чего можетъ желать разная женщина. Жить она будетъ въ довольствѣ, покоемъ ее въ обществѣ завидное; у неа прекрасная дѣти и очень нетребовательный мужъ. Все ей бѣда въ томъ, что она слишкомъ умиа.

— Будто можно быть слишкомъ умной? Умиа вѣдь такая вещь, на измѣненіи которой странно жаловаться.

— Въ теоріи, пожалуй, такъ; только для женскаго ума нѣтъ въ практической жизни широкаго примѣненія. Настоящее призваніе женщины — домъ и семья, но многія не довольствуются этой извѣстной колеей. Отсюда потребность любви и возмездіе ее въ главную цѣль жизни. Тутъ опять только два выхода — или пошлость, или крайній идеализмъ.

— Справедливо, даже слишкомъ справедливо! — Въ послѣднемъ случаѣ, болѣзненно-настроенная женская фантазія украшаетъ какое нибудь крайнее ничтожество необычными совершенствами; и тѣмъ дѣлая дѣятельностью отъ фантазіи, чѣмъ упорнее женщина держится за эту фантазію. Ну встрѣчали-ли вы болѣе жалкаго человѣка, чѣмъ Федоръ Михайловичъ?

— Признаться, нѣтъ; и я не разъ высказывалъ свое мнѣніе о немъ г-жѣ Смирдиной.

— Совершенно напрасно!

— По моему, настоящимъ преступникъ, ведущій открытую войну съ обществомъ, болѣе достоинъ уваженія, чѣмъ такъ называемый добродушный правдолюбецъ, живущій для одного самосудаченія. Перваго можно хоть застрѣлить, если онъ станетъ поперекъ дороги, между тѣмъ, какъ второй потрется къ вамъ подъ видомъ друга, захватитъ ваше имущество и обманетъ съ расчетомъ.

— На этотъ счетъ, мы съ вами одного мнѣнія; только я еще съ дѣтства имѣлъ случай изучать Федора Михайловича. Еще мальчикомъ, онъ былъ крайне лѣнивъ и любилъ хвастать поворотливостью князя Ш. Лининичишъ покровителя, онъ продавался порочнѣйшимъ образомъ, но тутъ не держалъ характера. Нужно было разыграть жертву въ глазахъ впечатлительной женщины. Въра Николаева его единственное спасеніе при его правительственномъ ничтожествѣ, но и ея онъ неумѣлъ держаться. Отношенія свои къ княгинѣ онъ перепуталъ съ ухаживаніемъ за Викториной и эта двойная роль оказалась ему не по силамъ. Довло до того, что обѣ женщины выманили его отъ себя. Неспособный рѣшительно ни въ какомъ дѣлѣ, Федоръ Михайловичъ попалъ въ нищету и заблудъ. Въ Петербургѣ онъ пропалъ-бы окончательно, еслибы не женская слабость. Послѣдній актъ этой трагикомедіи произошолъ недавно на нашихъ глазахъ и, какъ и слѣдовало ожидать, побѣда осталась на сторонѣ золотого телѣна.

— Неужели презрѣніе не навѣститъ г-жу Смирдину?

— Любовь сѣбя и представлять все въ ложномъ свѣтѣ. Даже люди съ здравымъ разумомъ поддаются на время ее обаянію, а мечтатели до конца продолжаютъ поклоняться имъ-же созданнымъ кумирамъ. Былабы, даже, что на мѣсто одного нисверженнаго, возродится другой, такого же сомнительнаго качества, а если не случится такового подъ рукою, душа ихъ изнываетъ въ пустотѣ и доходитъ до крайняго отчаянія.

— Да вѣдь это одинъ изъ видовъ душевной болѣзни.

— Разумѣется!

Тутъ г-нъ Смирдинъ перевелъ разговоръ на политическія новости и мы расстались.

Я, разумеется, въ тотъ-же день отдалъ визитъ Смирдинымъ и остался у нихъ до ихъ отъѣзда. Важными отношеніями супруговъ были очень оригинальны. Г-нъ Смирдинъ былъ холодно вѣжливымъ, а Викторина рѣзка и заносчива. Ко мнѣ она относилась по дружески, но на одиномъ словѣ не намеревалась на прѣежее. Наружность ее почти вовсе неизмѣнилась, непріятно поражаешь только взглядъ, какъ-то безсознательно устремленный въ пространство.

Они уѣхали.

Какая участь ожидаетъ бѣдную женщину?

Если прежде ей трудно было уняться съ мужемъ, то теперь будетъ вовсе невыносимо.

(Окончаніе будетъ).

Нѣчто о жизни и дѣятельности Фридриха Фребеля.

(Продолженіе).

Война еще не кончилась, какъ ему предложили мѣсто ассистента при минералогическомъ музеѣ, куда онъ поступилъ въ концѣ года. — Съ минералами, этими нѣмами, но краснорѣчивыми свидѣтелями безогляднаго творчества природы, Фридрихъ имѣлъ большую часть дѣтъ и умиа его отыскалъ въ этихъ обломкахъ мертвыхъ камней и ихъ разнообразныхъ формахъ до безконечности разнообразій законъ постепеннаго развитія. — Съ большими усердіемъ предался онъ геогнозіи и кристаллографии и черезъ это приобрѣлъ глубокое познаніе законовъ твердыхъ тѣлъ, которые онъ привнесъ къ единству основныхъ формъ. Разработка этихъ новыхъ материаловъ пробудила въ немъ желаніе примѣнить, въ качествѣ учителя и воспитателя, приобретенныя познанія, такъ что его уже занималъ планъ основать заведеніе для мальчиковъ, когда возманило къ оружію 1815 г. застаивало его опять стать въ ряды воиновъ. Но желаніе было такъ много, что его, какъ должностнаго человѣка, не приняли, также, какъ и Ангелсталя съ Миддендорфомъ, которые занимали мѣста домашнихъ учителей въ Берлинѣ, и всѣ три друга соединились съ намѣреніемъ трудиться сообща на поприщѣ воспитанія.

Одно событіе способствовало скорѣйшему осуществленію задуманнаго. — Послѣ битвы при Лейпцигѣ, любимый братъ Фридриха, священникъ Кристофъ, заразился въ лазаретахъ тифомъ, отъ котораго умеръ. Тогда Фридрихъ рѣшился сдѣлаться вторымъ отцомъ его оставшихся дѣтей. Чтобы исполнить это намѣреніе, онъ отказался отъ канцеръ минералогіи въ Берлинѣ и отправился со своими опосрѣданными племянниками, котораго мать ему охотно поручила, въ Остероде, чтобы взять дѣтей тамъ живущаго брата своего, зажиточнаго купца Христіана, и всѣхъ имѣть воспитывать на своей родинѣ, Тюрингенѣ. И такъ, расположеніе къ родственникамъ было первымъ побужденіемъ къ основанію не всеобщаго германскаго учебнаго заведенія. У Грисегау, деревни близъ города Ильмы, мѣсто жительства вдовы Кристофа Фребеля, бывшаго тамъ священникомъ, служила Фридриху первымъ мѣстомъ воспитанія его шести учениковъ. Когда же нужно было оставить пасторскій домъ, она купила въ близлежащемъ Кельхгау крестьянскій участокъ, который предложилъ Фребелю для его плановъ. Оттуда переехалъ въ 1817 г. Въ первые годы ему пришлось бороться со многими лишениями, но онъ все перенесъ терпѣливо и самоотверженно, довольствуясь тѣмъ, что въ короткое время къ нему поступило много учениковъ, давшихъ ему возможность научить заведенію. Еще въ Берлинѣ Фребель чувствовалъ расположеніе къ одной образо-

ванной дѣлѣ, которая, какъ ученица Фихте и Шлегельмарка, была въ состояніи понять его высшіе идеи о человѣческомъ воспитаніи.

Она была дочерью критерата Гюбейстера и почти годъ была замужемъ за однимъ офицеромъ, съ которымъ развелась, вслѣдствіе его супружеской неискренности. Фребель долго не рѣшалась на ней жениться, потому только, что она имѣла состояніе, а онъ былъ бѣденъ и это могло показаться ей користовольемъ съ его стороны. — Но такъ какъ онъ болѣе не хотѣлъ обходиться безъ хозяйки дома, то наконецъ Вильгельминѣ, согласна на она соединила свою жизнь съ его судьбой и имѣть служить великимъ идеямъ, которымъ онъ себя посвящалъ. Она съ радостью согласилась и появилась свою независимую, зажиточную жизнь въ столицѣ, чтобы съ избранникомъ супругомъ раздѣлять всѣ лишения и трудности новаго предпріятія въ деревнѣ. Въ юнѣ 1818 г. привезъ Фребель свою жену, которая скоро соединилась съ нимъ въ крутомъ, заслужила общую любовь и уваженіе и была готова на всякую жертву. Выхвѣтъ съ Вильгельминой Гюбейстеръ, прибывъ въ Кейльхау съ воспитанницами, молодая дѣвушка, по имени Эрнестина, сдѣлавшаяся потомъ женою Лангетала, который, какъ и Миддендорфъ, почти годъ былъ учителемъ при заведеніи Фребеля.

Въ 1820г. присоединился къ нимъ братъ Фребеля, Христіанъ, перешедшій изъ Остероде въ Кейльхау, съ тѣмъ, чтобы помогать имъ денежными средствами. По этому, кромѣ его сыновей, въ заведеніе поступили двѣ его дочери. Старшая изъ нихъ стала воспитательницей женою Миддендорфа, такъ что эти, имѣвшіе труднѣйшее, люди составили одну семью. — Фребель, получивъ возможность увеличить свое заведеніе, выстроилъ для этой цѣли большой домъ, приобрѣлъ много учениковъ и имѣлъ въ 1823 г. счастіе выйти въ свѣтъ Арнольдъ Барона, племянника Миддендорфа, энергичнаго помощника въ дѣлѣ преподаванія. Онъ случайно познакомился Кейльхау, здѣсь былъ увлеченъ стремленіями Фребельствомъ, соединился съ ними, и теперь онъ палачъ Кейльхаузкаго заведенія для мальчиковъ.

Фребель устроилъ свое заведеніе и велъ въ немъ преподаваніе съ замѣчательною предусмотрительностью, но управленіе имъ онъ поручилъ друзьямъ и женщинамъ, потому что самъ все стремился къ распространенію своего ученія и новымъ предпріятіямъ.

Отчеты объ его заведеніи, имѣли самыя выдаваемые, привлекали все болѣе и болѣе общее вниманіе. Въ ссанахъ, что «воспитатели семьи», какъ Фребель называлъ себя и друзей, понимали вышность своей задачи и награждали своихъ питомцевъ всѣмъ лучшимъ, что можетъ дать воспитаніе: соразмѣрными развитіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, простотою нравовъ, чисто нѣмецкою основательностію въ познаніяхъ, благотворными, религиозными воззрѣніемъ, на жизнь, безъ ханжества и лицемерія, практичностью и уютою, безъ малѣйшей тѣни пораженія иностранцами.

Въ 1826 году Фребель издалъ свое великое сочиненіе о человѣческомъ воспитаніи. Изъ него мы заключаемъ, что Фребель видитъ въ ребенкѣ, отъ самаго его рожденія, будущаго человѣка, на которого онъ смотритъ и которого хочетъ воспитывать сообразно его тройственному назначенію: какъ члена челоѣчества, какъ произведеніе природы и какъ выраженіе божества. Но это сочиненіе, подобно всѣмъ другимъ его произведеніямъ, по своему тяжелому слогу, недоступно для большинства читателей. Такъ какъ оно вышло изъ собственнаго Фребельскаго изданія, то очень быстро разошлось въ публикѣ, а В. Банге не издалъ его вновь выхвѣтъ со всѣми другими сочиненіями Фребеля.

Слѣва Фребель скоро распространился за пределы Германіи. Въ особенности же, обратили вниманіе на его дѣятельность въ Швейцаріи. Ме-

жду тѣмъ, онъ тоже не забывалъ преподаванія и въ то время, когда гонимые дѣлагоны были въ такомъ ходу и старались погубить и Фребель съ его заведеніемъ. Аристократы и богатые горожане отняли у него всѣхъ своихъ дѣтей, за исключеніемъ пяти воспитанниковъ. Фребель и друзья его до того обидѣли, что жались въ пашущимъ хлѣбъ; тогда кредиторовъ, между тѣмъ, становилась все пестрейше. Когда крайности достигла высшаго предѣла, явилась надежда на исходъ. Герцогъ фонъ-Мейнингенъ, которому указали на Фребеля, заставилъ его написать проектъ устройства народнаго учебнаго заведенія, для учрежденія котораго онъ хотѣлъ пожертвовать свое имѣніе Геора. Все было готово для исполненія предпріятія, когда министръ, возстановленный противъ системы преподаванія и заволашавшій возражающему вліянію Фребеля, разстроилъ все дѣло.

Тогда Фребель въ отчаяніи похвѣлъ во Франкфуртъ, чтобы посоветоваться со своими тамошними друзьями и у нихъ попросить помощи. Тамъ онъ сошлся случайно съ композиторомъ Шнейдеромъ и тотъ привозъ въ такой восторгъ отъ личности Фребеля и его стремленій, что предложилъ ему свой замокъ Вартезе въ Швейцаріи, чтобы тамъ осуществить проектъ учебнаго заведенія. Фребель радостно схватился за это предложеніе и то, чему не могъ содѣйствовать принцъ, потому что онъ похвѣла забыть царедворнаго, осуществилъ благородный художникъ.

Фребель оставилъ Кейльхаузкаго заведеніе на поведеніе друзей и отправился съ племянникомъ своимъ Фердинандомъ въ Вартезе. Скоро поселился за нимъ и Баронъ, какъ онъ самъ признавался, съ десяткомъ талантами въ карманѣ, въ потерѣхъ платья и вообще въ самомъ жалкомъ положеіи.

(Окончаніе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Исходъ борьбы классицизма съ реализмомъ. — Жены убиваютъ мужей. — Доложить сонъ. — Вѣрованіе нашего простонародья и киргизовъ. — Общество водопроводовъ угрожаетъ Петербургу разрушеніемъ. — Станка доводилась въ противъ нанимателей квартиръ.

Человѣчество становится, наконецъ, думать о людяхъ мира постъ гротиско-оестотическаго воянъ: франко-прусской, коммуно-версальской и классической. Меня собственноразуміемъ одинъ только плодъ послѣдній воянъ, такъ какъ онъ будетъ преподнесетъ намъ и дѣламъ нашимъ непосредственно. Есть нѣкоторое основаніе надеяться, что плодъ этотъ не будетъ черезъ чуръ горекъ, такъ какъ большинство государственнаго совѣта приняло дѣла реализма подъ свою защиту и отнынѣ изученіе красоты греческой и римской поэзіи не будетъ угрожать жизни дѣтей нашихъ. Вообража безслышную заобу нѣкоторыхъ великихъ мужей и пропитанныхъ ароматомъ захвѣлой древности педагоговъ, которыхъ потомство, судя по ходу дѣла, должно прекратиться! Одно только могу сказать имъ въ утѣшеніе, что на ихъ вѣкъ учениковъ хватить а то не разъ еще на этомъ вѣкѣ придется испытать имъ наслажденіе, ставя нѣкую единичну несчастнымъ жертвамъ отживающаго классицизма. Но за тѣмъ, съими классицизмъ, равно какъ и его сподвижники, обратятся въ нуль и *sic fata televant*.

Нужно быть оптимистомъ и во всемъ настоящемъ — дурномъ, видѣть будущее — хорошее. Нужно надеяться, что придетъ конецъ классицизму, что пароды и желѣзныя дороги похвѣтъ настоящее знаніе публикѣ; что мужья и жены перестанутъ наконецъ убивать другъ друга, изъ за того только, чтобы освободиться отъ тѣнъ братьныхъ узъ, сдѣлавшейся, потому либо, для нихъ

нельзяю. Все это будетъ напрежнѣно. Прекрасное будетъ время! А теперь посмотрите только, что творится. Въ Серпуховѣ 16-ти тѣлѣ жена зарѣзала 18-ти тѣлѣ своего мужа. И какъ нечуждо она подготовила все, и какъ хладнокровно она совершила эту оперцію. Пошла она съ мужемъ въ гости; позволила мужу денежно выиграть, на обратномъ пути притворилась уставой и предложила ему отдохнуть въ дѣвочкѣ, въ створѣтѣхъ дороги. Успѣвъ; она пригласила мужа похвѣтъ голову на ей койки; съ радостію приняла мужъ эту заступу, положила голову; винные пары, сладкій говоръ жены произвели свое дѣйствіе: они улеглись — не проснувшись болѣе. Тихонько, осторожно вынула жена изъ рукава, заранѣе отточенный ею ножъ — изъ одного мужа прорѣзала ему горло до самой шейной кости. За тѣмъ она во всемъ призналась, объяснивъ при этомъ, что такой замыселъ родился въ головѣ ея вслѣдствіе отращиванія, которое она получивала въ немъ съ перваго дня постъ свадьбы.

Другая крестьянка, Ватской губерніи, освободилась отъ постыгаго ей мужа, за котораго выдали ее насильно, тоже посредствомъ прорѣзанія ему горла, только не ножомъ, а косомъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ Звенигородѣ (Московской губерніи) совершено преступленіе, въ сущности совершенно тожественное съ двумя вышеприведенными и отличающееся въ кардинальной обстановкѣ. Слѣдъ нѣсколько мѣсяцевъ съ себя браня, 18-ти тѣлѣ жена убиваетъ своего молодого мужа при переѣздѣ въ расположеніи въ недалекомъ разстояніи отъ города деревню. Мотивированіе преступленія одно и тоже: нехватка въ мужу за то только, что онъ не мужъ. Эти случаи наводятъ на размысливаніе, тѣмъ болѣе, что подобныхъ имъ насчитывается въ году весьма много. Конечно, не мы, фельетонисты, размыслили о столь серьезныхъ предметахъ, но все же и считаю себя вправе задѣяться вопросомъ: неужели, кромѣ наказания, закономъ за убійство такого рода установленнаго, нѣтъ никакого способа помочь этому горю?

Представляя разрѣшеніе этого вопроса а *qui de droit*, я займусь разрѣшеніемъ другого вопроса: можно ли вбрызнуть въ сына? Выхвѣтъ отвѣта, приведу случай, происшедшій въ Керчи. Пѣль Новороссійскій приѣхавъ изъ этого города грекъ со своей женою и остановился у какого то родственника своего, молодого человѣка. Утромъ за чаемъ грекъ разсказавъ видѣнный имъ въ эту ночь дурной сонъ, и такъ какъ въ этомъ засѣданіи съ имъ упоминалось о пистолетѣ, который былъ у него заряженъ, то онъ, желая отнять у сна всякую возможность сбытія, тутъ же за чаемъ принялся разряжать пистолеты. Сонъ, однакоже, перекрутилъ грека: послѣдовалъ выстрѣлъ и пуля попала въ сердце молодого хозяина. Слѣухъ объ этомъ печальномъ случаѣ быстро разнесся по городу и началъ трепетать на какого-то инженера, который имѣлъ обѣщаніе своимъ револьверъ въ карманѣ. Онъ предложилъ его одному изъ своихъ знакомыхъ, но, вѣроятно, сѣбѣ освободиться отъ этого страшнаго оружія, онъ до того горлопѣно вынулъ его изъ кармана, что задѣлъ куркомъ за платье: послѣдовалъ выстрѣлъ, въ счастіи, нанесеній не опасную рану лицу, которому былъ переданъ пистолетъ. Прощу, посядъ этого, не вбрызнуть въ сына!

Странно, что въ нашемъ простонародіи еще не вполне искоренено повѣрье, что въ женщинѣ постоянно пребываетъ нечистая сила. Оно заимствовано, вѣроятно, отъ сѣбѣ киргизовъ, у которыхъ это вѣрованіе возведено въ необходимую истину. По ихъ мнѣнію, девицъ избравъ любимымъ мѣстомъ своего пребыванія беременную женщину, и потому киргизы были недавно жонъ своихъ въ этомъ состояніи, вполнѣ утверждены, что такимъ только способомъ изгнать изъ нихъ нечистую силу. Въ тоже время они считаютъ всѣхъ вообще женщинъ способными навести ужасъ на самого зорта. Въ силу такого

убѣждать, когда они, по окончаніи аѣты, перекоммиваютъ въ свои жилища юрты, то прежде посылаютъ туда своихъ женщинъ, которыя, войдя въ жилища, начинаютъ метаться во все стороны, при чемъ поднимая такой страшный неистовый крикъ, что злые духи опомнются бѣгутъ изъ юрты, занятыхъ ими во время отсутствія хозяевъ. Вообще женщины пользуются у нихъ одинаковыми правами съ мужчинами, этими послѣдними въ ихъ стадахъ животныхъ; верблюды, овцы, бараны, не говоря уже объ лошадахъ, играютъ первенствующую роль. Между тѣмъ, на женщинахъ лежитъ все домашнее хозяйство; въ работы о дѣлахъ, несъ только за животныхъ; при этомъ онѣ занимаются различными рукодѣлами и въ общемъ нѣтъ несомненно гораздо больше содѣйствуютъ благоденствію племени, чѣмъ хищническія стремленія ихъ повелителей—мущинъ.

Прогрессъ! Когда то они заглажены въ эту отчужденную Чингисхановъ, Тамаркановъ! Конечно, заглажены. Но въ настоящее время даже существованіе Петербурга начинаетъ подсаживать сомнѣнію.

Смѣетъ это не быть плодъ праздной фантазіи, а вѣрное расхожденіе людей, близка знакомыхъ съ качествомъ трубы общества водопроводовъ. Эти трубы, по ихъ мнѣнію, изъ ружья, вонъ, какъ пахли, во многихъ мѣстахъ даютъ течь, вслѣдствіе чего вода, просочившаяся постоянно подъ землю, образуетъ тѣмъ все болѣе и болѣе расширяющіяся пустыни пространства, въ которыхъ современныя и буржуазія наши петербургскія твердыни.

Такого рода презрѣніе или, точнѣе говоря, основанное на вѣрномъ расчетѣ—предположеніе не только не тревожитъ меня, но, напротивъ, наполняетъ душу моею какимъ-то зордствомъ. Въдѣ и безъ того жизнь въ Петербургѣ, вслѣдствіе стачки домохозяиновъ и безумной, съ каждымъ годомъ увеличивающейся, платы за квартиры, становится невыносимой; рано или поздно придется, поэтому, жителямъ сдѣлаться лагеремъ въ окрестностяхъ Петербурга, такъ жилось-ли не радостно при мысли, что эти дома, въ которыхъ отказано было жителямъ отъ квартиръ, рухнувшихъ наконецъ въ бездну, приготовленную имъ обществомъ водопроводовъ. Но до того времени не худо принять въ соображеніе вотъ какого рода обстоятельство: Всѣ стачки, направленные къ чѣму бы то ни было ущербу, преслѣдуются закономъ; а такъ какъ стачка домохозяиновъ явилась изъ-за ущерба жильцамъ, то не сдѣлать ли снѣмъ послѣднимъ видѣть добротности одному изъ болѣе вѣстныхъ нашихъ адвокатовъ (не влѣзшему недвижимкою собственностью въ Петербургъ) на предьявленіе иска противъ домохозяиновъ? Въ прошеніи необходимо, прежде всего, указать на полное отсутствіе заботы со стороны домохозяиновъ къ удобствамъ жильцовъ, на деньги которыхъ они пользуются всевозможными удобствами. Для доказательства сдѣлаетъ перечисленіе тѣхъ домовъ, въ которыхъ квартиры до того сыры, что зимою по стѣнамъ растутъ шампиньоны; а такъ какъ на этотъ пунктъ домохозяиновъ могутъ возразить, что шампиньоны очень вкусны грибы и тѣмъ пуще, то даются жильцамъ, въ некоторомъ родѣ, gratis, то сдѣлаетъ оговорку, что хотя эти грибы и очень вкусны, но настолько не даются gratis, а окупаются здоровьемъ и жизнью квартирантовъ. За тѣмъ, перечисливъ другія неудобства, какъ-то: безобразное устройство печей, не дающихъ нисколько тепла, темноту, грязь и испорченность воздуха на дѣтскихъ и проч., и проч., и исписавъ понесенные отъ этого жильцами убытки, проситъ судъ о подержаніи домохозяиновъ годичному церковному покаянію. Въ случаѣ отказа въ искѣ, сдѣлаетъ возмозжетъ въ надежды на дѣйствіе общества водопроводовъ.

Рѣмсье.

Заукація острова. Манитобское озеро, лежащее на сѣверозападѣ отъ форта Гарри, и далѣе своею имъ провинціи, недавно образованной изъ Редъ-Риверской области, свое наименованіе получило отъ острова, съ котораго по ночамъ раздается таинственный голосъ. Туземцы на то что не соглашались приблѣзяться къ острову или высадиться на него, потому что считаютъ его мѣстопрѣбываніемъ Манитобы или говорящаго бога. Причина этихъ странныхъ звуковъ, по всей вѣроятности, волны, ударяющіяся о прибрежный несомъ. Вдоль сѣвернаго берега тянутся известковыя скалы, подъ золотомъ звуку какъ сталь. Приближаясь къ берегу волны производятъ столкновеніе лежащихъ кругомъ скалъ обломковъ, и вслѣдствіе этого слышится какъ бы звонъ отдаленнаго церковнаго колокола. Явленіе это повторяется всякій разъ, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, а когда онъ стихаетъ, то раздаются тихіе, жалобные звуки, подобно шепчущимъ голосамъ. Путешественники утверждаютъ, что впечатлѣніе весьма эффектно, и что, проснувшись ночью, дѣйствительно можно принять эти звуки за колокольный звонъ.

Диккенсъ-стенографъ. Знаменитый англійскій романистъ и юмористъ, недавняя смерть котораго глубоко поразила почитателей его таланта, началъ свою карьеру какъ газетный фельетонистъ и сдѣлалъ искуснѣйшимъ стенографомъ своего времени. Но по поводу этого занятія, онъ часто вспоминалъ слѣдующее: покойный графъ Дерби, тогда еще лордъ Стенлей, сказалъ однажды блестящую рѣчь въ Нижней Палатѣ. На другой день, въ "Morning Chronicle", по недостатку мѣста, появилось извѣщеніе изъ рѣчи, написанное такъ блестяще, что лордъ Стенлей послалъ въ редакцію просить къ себѣ автора извѣщенія, для того, чтобы онъ могъ стенографировать всю рѣчь. Лордъ Стенлей, желая сохранить копию рѣчи, проявился се еще разъ передъ фельетонистомъ, который былъ нѣтъ иной, какъ Диккенсъ, и весьма жестко отказался отъ его работы. Много аѣтъ спустя, сдѣлавшись знаменитымъ, писателю обѣдалъ съ однимъ изъ своихъ друзей въ первый разъ въ Барлтоузѣ. Столовая оказалась ему знакомою, онъ справился и узналъ, что домъ принадлежалъ прежде покойному лорду Дерби, и что это та самая комната, въ которой лордъ говорилъ ему свою рѣчь.

Умнѣеженіе морнаго дома. Парижскій «Фигаро» рассказываетъ о странномъ способѣ, посредствомъ котораго поція недавно оказалась игорнымъ притонномъ, помѣщеніями въ латинскомъ кварталѣ, въ первомъ этажѣ дома на Rue St-Andre! Содержатель заведенія, личность, уже побывавшая подъ судомъ за шулерство, съ нѣмнѣею никогда не впускалъ въ свои маленькія комнаты болѣе пятидесяти человѣкъ. Какъ скоро пятидесять мѣстъ у столовъ съ баккара были заняты, двери герметически заперлись и никто болѣе не смѣлъ входить. Полицейскій офицеръ, обаянный наблюденіемъ за игорными домами, намозъ средство принуждать къ заведенію черезъ окно. Пересѣвъ своихъ агентовъ малярами, онъ послалъ двоихъ впередъ, съ дѣтскими, какъ будто для приготовленія въ окрѣпѣ дома. Онъ, понимая, случайно, приставилъ дѣтскихъ къ окнамъ, и прежде чѣмъ игроки успѣли опомниться, въ комнату очутились четверо полицейскихъ. «Въ чѣмъ дѣло?» спросилъ одинъ изъ притоновъ, удивленнымъ появленіемъ маляровъ. «Ничего, только вынуждено изъ трубы», отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, и черезъ полчаса было захвачено все гильзѣ, но такъ тихо, что сосѣди ничего не подозревали. Арестованы содержатель игры и хозяина

дома, приводившаго къ нему жертвъ, и имѣть съ тѣмъ бывшаго членомъ общества св. Винченца и многихъ другихъ благотворительныхъ учрежденій.

Браки въ Египтѣ. Туземные египтяне, состоящіе изъ коптовъ и мосамовъ, совершаютъ браки съ различными брадами и особенностями; они сходятся въ одномъ только пунктѣ, составляющемъ сильную преграду для воспитанія и цивилизаціи. Преграда эта—ранняя молодость, въ которой заключаются браки. Въ этомъ отношеніи, коптскіе христіане не только не лучше, а даже хуже магометанъ. У обоихъ чаше выдаютъ замужъ двѣнадцатилѣтнихъ аѣтъ, а иногда и девяти, что, впрочемъ, случается рѣже. Обыкновенный возрастъ для замужества—дѣвятидѣтъ и тринадцатѣ аѣтъ. Правда, что на востокѣ дѣти развиваются быстро, чѣмъ въ Европѣ, но разница все-таки не такъ значительна, какъ предполагаютъ, и дѣвятидѣтніи двѣнадцатилѣтніи, по своему физическому и моральному развитію, такъ же мало способны стать во главы семействъ, какъ европѣяне въ этомъ возрастѣ. Молодая жена обыкновенно совершенно подпадаетъ власти ея тещи, которая весьма часто, въ первые годы замужества, обращаетъ ее въ рабыню. Въ болѣе цивилизованныхъ, замужнія египтянки—маленькое, граціозное существо, съ прерисанными черными глазами и зоркими блѣлыми губами. Черты лица неправильныя, а цѣтъ кожи у каждой отдѣльной личности переходитъ въ тона самаго свѣтлаго, въ самый темный. Наружность египтянки низкаго сословія, безъ исключенія, глупа; она неуморотлива, шумно выражаетъ радость и ворчитъ, когда не въ духѣ. Тѣмъ не менѣе она обладаетъ особенной, спонтанной ея племени, вѣдливостью и добродѣтелю; она сострадала и чувствительна къ асѣкѣ, словомъ—это настоящее дѣти природы, безъ образованія и лоска. Коптскіе брачные обряды сходны съ обрядами древнихъ евреевъ. Самая интересная церемонія—ночная процессія, въ которой невеста, роскошно одѣтая въ бѣлое съ золотомъ платье, и украшенная множественно драгоцѣностей, болѣею частью влѣзаетъ изъ промѣтъ только изъ этого случая (сми черки иногда снабжаютъ или небогатыми дѣвухами, въ сопровожденіи подругъ и родныхъ, отправляется въ домъ жениха. Мужчины несутъ въ процессіи свѣчи, а два факельщика и хоръ музыкантовъ открываютъ шествіе. Женщины, за исключеніемъ разряженныхъ подругъ, закутаны въ чорныя покрывала. — Но арія одесды мужчинъ и факелы, освѣщающіе странные, старые дома въ узкихъ улицахъ, имѣютъ весьма оригинальный и живописный видъ, чрезвычайно поражающій европейцевъ. Самыми магометанъ происходятъ дѣньи, въ самые жаркіе часы и въ самое жаркое время года. Это дѣньи должны называться ужаснымъ малойюю невестъ, часто еще ребенка; впрожденіи нѣсколькихъ часовъ она должна медленю двигаться по распаленнымъ улицамъ, останавливаясь каждая пять минутъ, одежда ея составляетъ громадную атрупиру пахъ, напущеную на голову, такъ что ея лицо и ставъ совершенно не видны, и она почти задыхается. Но тѣшеніе дѣньи дѣлаетъ придесть силу перенести эту пытку, такъ какъ, на востокѣ, замужество есть нѣтъ жизни дѣвухи. Въ сожалѣнію, торжество ея продолжается недолго, потому что молодая жена обыкновенно неистощима, какъ рабыня своего мужа, котораго, если онъ не богатъ, употребляетъ ея для тяжкихъ работъ, часто прерывавшихъ ея силы. Повсюду распространено также обыкновеніе бить жену за всякую мелочь, не поправившуюся главѣ семействъ. Относительно египетскихъ браговъ, можно сдѣлать еще одно замѣчаніе, касающееся только мосамовъ, т. е. болѣею части населяетъ это чрезвычайно частые случаи развода. Мужчины низшихъ сословій, обыкновенно

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ родѣ „The Illustrated London News“, „Illustration française“, „Monde illustré“, „L'Univers illustré“ и „Leipziger Illustrirte Zeitung“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на Второе полугодіе 1871 г.

Цѣна за полгода: съ доставкою въ С.-Петербургъ 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляетъ исторію—географію—путешествія—изящныя искусства—естественную исторію—технологію—промышленность—морское и военное искусство—политическія событія—войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ представляетъ собою

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; Иллюстрація необходима вездѣ и для всѣхъ.

Главная Контора „Всемирной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Ильина, № 16

Издатель «Всемирной Иллюстраціи» Германъ Гоппе.

(314).

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ. DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю типчатыми и исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цѣна Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя Германа Гоппе, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16.

(315).

Табель домовъ города С.-Петербурга,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и въ которыхъ полицейскомъ и мировомъ участкахъ состоитъ. Съ приложеніемъ.

ПЛАНА ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб. сер.

(316)

УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ

ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вальсона,

образующихъ двойную строчку.

Болѣе 550,000 НАХОДЯТСЯ

ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ.

Вслѣдствіе расширенія круга дѣятельн. фабрики, дающаго возможность компаніи Виллера и Вальсона нѣтъ поставлать машины по устарѣвшему тарифу и отвѣчать на всѣяшіеся на нынѣ (сѣбѣ) изготовленные болѣе 300 машинъ въ день, Г. М. Хуттонъ и Копп., единственные агенты оной для Россіи, отступили отъ машинъ съ значительнымъ уменьшеніемъ

отъ 55 рублей серебра

Возможность обученія въ письменной гарантіи исправности
МАШИНЫ НА ЧЕТЫРЕ ГОДА.

КАЧЕСТВА, РЕКОМЕНДУЮЩАЯ ЭТИ ЗНАМЕНИТЫЯ
МАШИНЫ, СУТЬ СЛѢДУЮЩІЯ:

- 1) Красивый и прекрасный шовъ, который ошавкой нѣтъ равнъ съ другой машиной, такъ какъ ошавка оной совершенно не выдерживается.
- 2) Крепость и прочность шва, не расширяющагося и не искривляющагося.
- 3) Приспособленіе приводовъ и обширное притягиваніе оныхъ къ работамъ въ матеріи.
- 4) Свѣтъ и быстрота.
- 5) Удобность и малость выноса и отдачи.
- 6) Несложная и прочная конструкція.
- 7) Быстрый ходъ, легкость въ употребленіи и управленіи и отсутствіе шума.

Двойная строчка, превосходитъ всѣ другія строчки; машина Виллера и Вальсона образуетъ эту строчку лучше всѣхъ другихъ машинъ.

Ручные машины отъ 45 до 55 рублей.
Настоящая американская машина Бэйна Гзу, выдана С. цѣна 100 руб. сер.

Бумага, шовъ, машинная игла и проч. по устарѣвшимъ цѣнамъ.

Г. М. Хуттонъ, получивъ агентство на означенныя машины, проситъ обращаться на условіи въ

Г. М. ХУТТОНЪ и КОМП.,

ГЛАВНЫМЪ АГЕНТАМЪ ДЛЯ РОССІИ.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Склады: въ С.-Петербургѣ, № 14 и. Малая Морская; въ Москвѣ, Большая Лубяная, домъ Мазириной; въ Одессѣ, Почтовая улица, домъ Бургафа, и контрагентовъ въ провинціи.

— Компания Виллера и Вальсона гарантируетъ надежность только тѣхъ машинъ, которая куплены у Г. М. Хуттона и Копп., или отъ ихъ агентовъ въ провинціи.

(317) — 3.

Главная Контора Редакціи (ГЕРМАНЪ ГОППЕ) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.

Дополнено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Іюня 1871 г.

Издатель Германъ Гоппе — Редакторъ Ю. Померанцева.

Типографія А. М. Котомкина. Невск. просп. д. № 18.